

Дмитрий Боровичев

В лунном сиянии

18+

Дмитрий Боровичев В лунном сиянии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53659265

SelfPub; 2020

Аннотация

Летние ночи на природе прекрасны и таинственны. На небе сияет полная луна, заливая загадочным серебристым светом реку, луг, озёра. По земле тонкой прозрачной пеленой стелется молочно-белый туман. Всё кажется зыбким и каким-то нереальным. А где-то над лугом льётся прекрасная песня, улетающая ввысь. Кто там скрывается в загадочном лунном сиянии? На обложке фрагмент картины французского художника Поля Шабаса (1869-1937) "Танцующие нимфы".

Обычно я предпочитаю речную рыбалку, а на озёрах ловлю редко – ради разнообразия. Может от того, что предпочитаю донную оснастку, а на озерах с ней особо не половишь. Там рыба предпочитает держаться в толще воды и приманку в илистом дне не видят. Для рыбалки на озёрах нужна классическая поплавочная удочка и такая у меня имеется. Ну, не лежит у меня душа к такой рыбалке и всё тут! Хотя в каждом правиле имеется и исключение – изредка я всё же достаю свою поплавочную снасть и иду рыбачить на озёра – не для улова, а больше для смены обстановки. Видите ли в чём дело, рыбалка на реке – это сродни культмассовому мероприятию – простор, свобода и эмоции от схватки с рыбой порою зашкаливают. А озеро можно сравнить с маленьким ресторанчиком – простору немного, но зато очень уютно и душевно. Пусть рыба клюёт и не так оживлённо, зато остаётся больше времени для созерцания красот вокруг и на то, чтобы побыть наедине с собой, со своими мыслями.

Всего озёр, о каких я хочу рассказать – пять. Они раскинулись в речной пойме неподалеку друг от друга. Самое большое из них – длиною в пару сотен метров и примерно двадцать в ширину. Летом там купаются и загорают. Самое маленькое – размером чуть больше огромной лужи. Многие рыбаки, особенно заезжие, презрительно машут в руку – дескать, какое это озеро, так – одно название! И что, кроме лягушек и пиявок может в нём водиться? Но, скажу вам по секрету, они сильно заблуждаются. В озере водятся непло-

хие караси. Некоторые из них вырастают до килограмма или даже больше и при определённой сноровке и знании некоторых рыболовных хитростей, они вполне успешно оказываются в садке. Вообще, карась – рыба неприхотливая. Она не требовательна к содержанию кислорода в воде и может жить почти везде.

В озёра рыба попадает из реки вместе с весенним разливом. Но тут имеется и загадка. Даже, если в какой-то год река и не разливается, то рыбы в озёрах не становится меньше. Как сохраняется её популяция? Возможно, что озёра соединены с рекой подземными руслами. По ним-то и заходит рыба. Ведь, все озёра когда-то были частью одного речного рукава, который отделялся от основного русла и причудливо петлял по долине. Но со временем он потерял связь с рекой, обмелел и разделился на озёра.

Все озёра очень живописны. Они окружены ивами, которые подходят почти к самой воде, опуская в неё свои ветви. А там, где нет ив, берег густо порос камышом, так-что подход к воде весьма затруднителен. Вода в озёрах чистая и достаточно прохладная даже в жару. Всё это говорит о наличии действующих родников на дне. Озёра – даже самое маленькое – очень глубокие. Человека, даже с поднятыми над головой руками, на середине скроет запросто. Причём, глубина начинается внезапно. Если в нескольких шагах от берега ещё мелко – по колено, то дальше дно резко пропадает. Как я уже говорил, в озёрах водится в основном карась, но также

попадают и другие рыбы – плотва, краснопёрка, густера, а иногда линь. Но это уж, как повезёт. Ловится рыба во всех озёрах примерной одинаково и какое из них выбрать зависит только от предпочтения рыбака. Но мне всегда было ближе одно.

Это озеро самое дикое и сокрытое. Чтобы до него добраться, нужно пролезть сквозь жгучие заросли крапивы и колючие кусты ежевики. Рыбаки обходят это озеро стороной. Не знаю, что мной двигало, когда я первый раз прокладывал к нему дорогу – жажда открытий или желание уединения. Но в любом случае это стоило всех полученных мною царапин и ожогов – место было просто великолепным! И дело тут было вовсе не в прекрасном виде на озеро и не в каком-то особенном клёве. Конечно и в этом, но не только. На берегу этого озера, как-то сами-собой начинали забываться все заботы и проблемы, а мысли начинали течь спокойно и плавно. А ещё приходило чувство единения со всей этой окружающей красотой.

Впрочем с рыбалкой дела обстояли не вполне однозначно. Нет, рыба ловилась вовсе даже неплохо. Но чтобы что-то поймать, нужно сперва забросить удочку, а сделать это было не всегда просто. И дело тут вовсе не в мешающих кустах и деревьях – место, где я рыбачил, было достаточно свободным. Просто снасть обычно летела куда угодно, но только не туда, куда я намеревался её забросить. Выходила просто мистика – ты размахиваешься удилищем, посылая

снасть в нужное тебе место. Однако, вместо того, чтобы лететь в заданном направлении, она уходила вправо или влево и там цеплялся за камыши или за ветви ив. Как-будто кто-то невидимый корректировал его траекторию. В большинстве случаев отцепить снасть не удавалось и она оставалась в камышах или на деревьях. А добраться, чтобы отцепить – небыло никакой возможности. Приходилось ставить новую. И она при следующем забросе тоже летела не туда и тоже цеплялась. Такой потери крючков, грузил и поплавков у меня небыло нигде и никогда. В этом деле, однако, сказывалось моё упрямство – я не привык сдаваться без боя. И после четвёртого или пятого раза снасть всё же плюхался в то место, куда я хотел. Вначале всё это было необычно и даже загадочно, но затем я как-то привык и даже смирился с потерями. А в ловле я выработал особую тактику – подсекал, если клевало и без особой нужды удочку не перебрасывал, пусть даже поплавок и не двигался весь вечер. Меня словно бы тянуло к этому озеру, какими-то непонятными чарами, а рыбалка была лишь для этого поводом. Бывали дни, когда я и вовсе не забрасывал удочку, а просто сидел на берегу, любясь окружающей красотой.

Но это были ещё не все странности. Каждый раз, подходя к озеру, я встречался с гадюкой. Да, это была именно гадюка. Они отличаются от неядовитых ужей, которыми здешние места просто кишат. Тело ужа – тёмное, почти чёрное, а по бокам головы две жёлтых или оранжевых пятна. Уж, как я

уже говорил, хотя может цапнуть до крови. Но укус его не опасен. Гадюка же в отличие от ужа – ядовита. Её укус не так опасен, как, скажем, укус кобры, однако, хорошего тоже мало – головокружение, тошнота, судороги, редко – паралич или летальный исход. Но такое бывает всё же не часто. По статистике погибает не больше одного процента от укушенных. Тело у гадюки серое с чёрным узором, ярких пятен на голове нет и поэтому спутать с ужом её совершенно невозможно. Той гадюки я не боялся, хотя и относился с осторожностью. Гадюка никогда первой не нападает на человека, если только на неё случайно не наступить или не загнать в угол. Нужно хорошо смотреть под ноги и создавать шум при ходьбе. У гадюки чуткий слух – она издали услышит громко идущего человека и попытается избежать с ним встречи. Но моя гадюка встреч со мной не избегала, однако, и признаков агрессии тоже никаких не проявляла. Она просто лежала в траве, свернувшись кольцами, приподняв свою маленькую головку и смотрела на меня, как-будто собираясь что-то сказать. Заметив гадюку, я всегда останавливался, а затем делал изрядный круг через заросли крапивы, обходил её на приличном расстоянии. В тот момент у меня возникало ощущение, что гадюка охраняла подход к озеру, а ещё – что она меня приветствовала и пропускала. Наверное, она и жила где-то поблизости – хотя гадюки предпочитают более возвышенные места – они не любят сырость. Почему моя гадюка обосновалась у озера – для меня было тайной.

А однажды во время рыбалки у меня состоялась интересная встреча. Я сидел на берегу на раскладном стульчике, смотрел за поплавком, как вдруг услышал шорох в зарослях за спиной. Я резко обернулся, подумав, что может это приползла гадюка (хотя раньше за ней никогда такого не водилось) и увидел в кустах забавную коричневую мордочку с чёрными глазами-бусинками, розовым носиком и длинными усами. Она принадлежала норке. Мне уже доводилось встречаться с этими зверьками, но так, чтобы почти лицом к лицу – никогда! Норки всегда живут неподалеку от воды. В ней они добывают пищу – охотятся на рыбу и прочих мелких водных обитателей. Норки прекрасно плавают и ныряют – для этого у них имеются перепонки на лапах. Очень интересный и забавный зверёк. И встретиться с ним так близко было неожиданностью и большой удачей. Не знаю, кто из нас больше удивился, но мы оба постарались остаться невозмутимыми – как-будто встречались тут регулярно. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Затем норка с чувством собственного достоинства (как ни как – это всё же были её владения), неторопясь, вышла из зарослей и пройдя мимо меня, скрылась в зарослях, напоследок окинув меня строгим взглядом. Ладно уж, лови, коли пришёл, – читалось в нём, – Но смотри – не озорничай!

Всё это интересно, порою забавно, временами даже таинственно, но я хотел рассказать не об этом. Однажды со мной в тех местах произошла по настоящему удивительная исто-

рия. Дело было в начале июля несколько лет назад. Тогда я всё своё свободное время уделял рыбалке. Хотя, конечно и было, чем заняться ещё, но если честно – не лежала душа. Я только-что расстался со своей девушкой и на душе было, как бы это сказать – муторно. Умом я понимал, что наши отношения бесперспективны и не зачем отнимать друг у друга время, но всё равно ничего не мог с собой поделатъ. А на рыбалке становилось как-то легче. После работы я наскоро ужинал и ехал к реке или на озёра – рыболовные снасти у меня постоянно лежали в багажнике. Там я проводил время до темна – ловил рыбу, любовался красотами, а когда надоело – изучал окрестности. Тогда-то я и открыл то озеро. А ещё мне очень нравилось наблюдать за закатами, когда огненный шар солнца постепенно исчезает за деревьями, горизонт на востоке темнеет, а на западе становится нежно розовым. Восходы я тоже очень люблю, но встречать их на природе приходилось реже – по выходным, когда приезжал очень-очень рано – затемно. В это время, как раз и лучше всего клюёт рыба. А стоит солнцу повыше подняться над горизонтом – её активность падает. Чтобы не упустить этот промежуток времени, я приловчился следующим образом – приезжал на место вечером в пятницу или субботу, ночевал в машине, просыпался затемно и ещё до того, как солнце поднималось над горизонтом – приступал к ловле. Это намного удобнее чем ехать из дома ни свет ни заря. По крайней мере, для меня.

В тот раз я собирался половить на реке рано утром в субботу. На место приехал вечером в пятницу. Приготовил снасти к предстоящей рыбалке, поужинал на свежем воздухе, прогулялся по окрестностям, полюбовался закатом и устроился спать в машине. Заснул я быстро, но среди ночи меня разбудили звуки какой-то тихой и приятной мелодии. Сначала, ещё окончательно не проснувшись, я подумал, что это у меня в машине играет магнитола. Но нет, она была выключенной. Я лежал и прислушивался – пел снаружи не очень далеко. Песня, а скорее даже напев походил на какой-то старинный народный и при этом было в нём что-то странное. Не знаю, с чем его сравнить. Помните «Улетай на крыльях ветра» в исполнении женского хора – вот что-то похожее. Я сразу отбросил мысль, что это пели отдыхающие – уж сильно, как бы это сказать, профессионально звучало. Да и на играющую автомагнитола или музыкальный центр тоже не походило – пели именно живые голоса, причём – женские. Они раздавались то тише, то громче, словно бы, то удаляясь, то приближаясь. Но сколько я не пытался разобрать слова, у меня ничего не выходило. Но этот напев обладал странным очарованием – он тянул к себе, завораживал.

Сначала я попытался разглядеть поющих сквозь окно машины, но конечно же у меня ничего не получилось. Недолго не раздумывая, я выбрался из машины. По часам был второй час ночи. На небе сияла полная луна, заливая серебристым загадочным светом окрестности. По земле тонкой прозрач-

ной пеленой стелился молочно-белый туман, от чего речная долина казалась зыбкой и какой-то нереальной. Пение шло со стороны озёр и я двинулся в том направлении. Страшно ничуть не было, наоборот, я испытывал живейший интерес – кто же обладательницы этих прекрасных голосов и что они делают здесь в это время?

Я шёл к озёрам, ориентируясь на пение, напрямую через луг по густой влажной от полночной росы траве. Луна давала достаточно света, чтобы разглядеть окрестности, но я всё же больше полагался на слух. С каждым шагом пение становилось всё отчётливее и отчётливее. Доносилось оно, как я установил, с поляны, находящейся рядом с моим заповедным озером. Но пока никого разглядеть не представлялось возможным – озеро и поляну скрывали деревья. Я подбирался всё ближе и ближе к цели, стараясь ступать как можно тише, чтобы не быть замеченным. Вот я уже различал отдельные слова этой удивительной песни и вот, что странно – никак не мог определить на каком языке она пелась. Язык по плавности звучания и интонациям вроде бы подходил на старорусский или украинский, но в тоже время им не был. Почему-то он мне показался очень древним – таким же древним, как эта долина, река, озёра. А ещё от этой песни исходила поразительная сила – могучая, безграничная и всеобъемлющая, словно это был голос самой Природы. И эта песня проникала в каждую клеточку тела, захватывала и вот уже тоже хотелось петь от неопишуемой радости, петь – даже

не зная слов этой дивной песни. Так легко и хорошо мне не было никогда. Мне казалось, что я не шёл, а как будто бы летел, лишь задевая ногами траву. Всё было как во сне – прекрасном и волшебном, от которого не хочется просыпаться утром.

Но я всё же сдержался, хотя моя душа прямо-таки пела, а последние шаги перед поляной проделал с крайней осторожностью. Я укрылся за толстой ивой, растущей почти возле самой поляной. Теперь поющие были буквально в десятке метрах от меня. Я тихонько выглянул из-за ствола. Вся поляна, залитая лунным светом, была как на ладони, а в самом центре я увидел ИХ. Пять прекрасных женских фигур, обнажённых с длинными распущенными волосами, казавшихся серебристыми в лунном сиянии (а может оно так и было), взявшись за руки водили хоровод и пели ту самую удивительную песню.

И я сразу понял – кто ОНИ. Пять озёр и пять девушек. Хотя они только выглядели, как девушки, а к роду людскому не имели никакого отношения. Да, это звучит антинаучно, но на природе, вдали от цивилизации многое воспринимается совершенно по иному. Издревле люди ассоциировали воду с женским началом и верили, что у каждого водного источника есть своя Хранительница. У всех народов остались предания об этом. В Древней Греции их называли Нимфами, в Европе – Ундинами, а на Руси – Берегинями – оберегающими реку, озеро или родник. В те времена люди почти-

тельно относились к водным источникам. А с приходом цивилизации – да, что рассказывать – сами знаете! Всё вокруг у нас загажено, а Хранительницы – те которые смогли выжить в подобных условиях (и далеко не все из выживших остались по прежнему прекрасным) стали объектами фольклора и сказок. Хотя современные учёные, ссылаясь на последние исследования заявляют, пока ещё робко, что вода может перенимать информацию от всего, что в неё погружено и даже обладает памятью. Оно и понятно, что громко об этом не говорится, так как идёт в разрез с официальной наукой. А что если допустить, что вода обладает не только памятью, но и интеллектом (такие научные данные тоже имеются). А это уже признаки личности, вероятно, чем-то похожей на нашу – человеческую, но всё кардинальным образом от неё отличающейся. А что если такая сверхличность знает о нашем соседстве и в ряде случаев даже может с нами контактировать. Человек в своей гордыне мнит себя единственным разумным существом и мягко говоря, оказывается в сильнейшем недоумении, когда встречается с кем-то также обладающим интеллектом, особенно, если этот кто-то на первый взгляд разумным совершенно не выглядит. И чтобы не пугать нас людей с нашим ограниченным стереотипами мышлением она нашла выход – как-никак, их возможности намного превосходят человеческие. Мы можем видеть её, как представляем. Я уже говорил, что водные источники издревле у всех народов ассоциировались с женским началом. Вот так я и увидел

их – Хранительниц озёр, как прекрасных девушек – вероятно, соответствующие образы дремали где-то в глубине моего подсознания.

Но это, что называется, было лирическое отступление. Возвращаюсь к моей истории. Я стоял и затаив дыхание наблюдал за водящими хоровод и поющими Хранительницами (буду так их называть). Наверное, я высунулся из-за дерева больше, чем нужно и в итоге был обнаружен. В своём невесомом танце они бесшумно подплыли (другого слова и не подобрать) ко мне, прекратив пение и я увидел их совсем близко. Сказать, что они были прекрасны – это значит не сказать ничего. Они были ИДЕАЛЬНО красивыми! Люди такими быть просто не могут. А что касается необычного – вроде зелёных волос или русалочьих хвостов, то ничего такого у них не было – обычные девушки, только не совсем обычные, а нереально прекрасные. Одеть их в модные шмотки, сделать современные причёски... Кстати о причёсках – волосы у всех были очень длинными – до колен. Они спадали на спину и грудь, прикрывая наготу. Издали мне показалось, что волосы у всех были светлые, слегка серебрищиеся в лунном свете, но при ближайшем рассмотрении я понял, что это не так. Волосы у одной Хранительницы оказались черными, как крыло ворона, у другой – тёмно-каштановыми, у третьей – русыми, четвёртая была блондинка с совсем белыми волосами, а пятая – огненно-рыжая. А вот глаза у всех были одинакового цвета – бирюзового – какого-то неземного оттенка

и казалось, светились изнутри. Не считая цвета волос, все Хранительницы были похожи друг на друга, как сёстры. Казалось, что они одинакового возраста. Но вот какого, согласно человеческим меркам – сказать трудно. Им можно было дать и двадцать пять. С тем же успехом – и тридцать пять а может и больше. Намного больше... Встречаются и среди людей такие же вот женщины и мужчины без возраста. А может быть время для этих созданий текло как-то по иному.

Хранительницы взяли меня за руки и не говоря ни слова, весело смеясь, потянули в свой хоровод. Я не очень и сопротивлялся. Никакого страха не было, также как и удивления – только ощущение радости и душевного подъёма, а ещё какое-то сладостное чувство внутри. Я оказался между брюнеткой и блондинкой. Я сжимал их ладони в своих руках. Они были тёплыми, мягкими и настоящими. Мы кружились в хороводе то сжимая, то увеличивая наш живой круг, подчиняясь определённом ритму. Когда круг сжимался, мы оказывались близко друг к другу и тогда я чувствовал прикосновение тел своих соседей по танцу, а их длинные волосы приятно щекотали лицо и руки. Это приятно будоражило. Но вот мы расходились, насколько позволяли вытянутые руки, чтобы через какое-то время сблизиться вновь. При этом мы двигались по кругу слева направо – посолонь, как говорили в старину. Движения моих партнёрш по танцу были лёгкими и плавными и почему-то напоминали течение реки. Также легко вода идёт по руслу, следуя всем его

поворотам и также плавно огибают преграды на своём пути. Говорят, что на текущую воду можно смотреть бесконечно. А я также бесконечно мог смотреть на моих прекрасных танцовщиц. Я как мог, старался не поедать их взглядом – их восхитительные фигуры не были отягощены никакой одеждой, если не считать длинных волос до колен. Но они нисколько не стеснялись своей наготы. Я никогда особо не умел танцевать, но тут мне словно передались их грация и изящество и я легко двигался в общем ритме, не испытывая никакой скованности, как будто только и делал, что всю жизнь занимался танцами.

Напротив меня танцевала рыжеволосая Хранительница. Она не сводила с меня своих огромных бирюзовых глаз, а в их глубине плясали весёлые искорки. Почему-то из всех, она одна казалось смутно знакомой. Как будто нам уже приходилось встречаться раньше, причём не раз. Но где мы могли видеться? Словно прочитав мои мысли, Хранительница улыбнулась. А потом получилось как-то так, что наш хорювод распался и мы оказались лицом к лицу. Я заглянул в её глаза прекрасные и бездонные, а в них увидел своё любимое место на берегу того заповедного озера, где так любил проводить время, увидел забавный розовый носик норки в зарослях, увидел свернувшуюся в траве гадюку с раздвоенным язычком, высовывающимся из пасти. Это было, как видение. Да, это всё она! – нахлынуло озарение. Хранительница этого озера присутствовала во всём – и в водной глади, и в ивах

на берегу, и в гадюке, охранявшей тропинку к берегу, и в забавной норке, ничуть меня тогда не испугавшейся. Это она мешала мне забрасывать удочку. А ещё она утешала и успокаивала меня. Миг – и эти мои видения исчезли. Я по прежнему стоял на поляне лицом к лицу с рыжеволосой Хранительницей. Но мы были с ней только вдвоём – все её сёстры вдруг каким-то волшебным образом исчезли. "Ты узнал меня?" – спросила Хранительница. Её приятный мелодичный голос напоминал журчание ручейка. В ответ я молча кивнул, не отводя взгляд от её прекрасного лица. "Я давно наблюдаю за тобою. Ты грустил" – просто сказала она. Я не нашёлся, что ответить. На языке крутились десятки различных вариантов, но все они сейчас, в эту волшебную лунную ночь казались чересчур банальными. Она придвинулась ко мне ближе так, что её рыжие волосы коснулись моего лица. Теперь я видел лишь её неземные бирюзовые глаза. Они казались огромными. Они заслонили собой всё – ночное небо, луну, деревья, луг. Я тонул в её прекрасных глазах и казалось, это длилось целую вечность. «Она была красивая?» – нарушила наконец молчание Хранительница. Я догадался, о моей бывшей девушке. Но откуда она знает? А впрочем, у меня всё читалось на лице, когда я приходил к озеру. «Да» – ответил я коротко. Красивой моя бывшая девушка было, но более точно ей подходило определение – «яркая». Яркой бывает, например, красивая и мощная спортивная машина. Она сразу бросается в глаза на дороге, вызывает восхищение и зависть

у окружающих. И на ней действительно здорово погонять, но только на загородной идеально ровной гоночной трассе в выходные, потому-что для повседневной городской езды такая машина не предназначена. Вот что-то подобное было и у нас. Со стороны многое смотрится по другому. «Да, она была красивая» – тихо произнёс я, возвращаясь от грустных воспоминаний. «Такая же красивая, как я?» – лукаво посмотрела на меня Хранительница. «Ты очень красивая, но вас нельзя сравнивать» – сказал я как можно более дипломатично. Я не знал, как обращаться к моей новой знакомой – на вы или на ты. В конце концов решил на ты – ведь всё же как-никак мы уже встречались раньше, пусть она была и не в этом облике. Я действительно ни кривил душой – как можно сравнивать – человеческую женщину и озёрную Хранительницу. К тому же моя новая знакомая была непередаваемо прекрасна. Нет не ярка, а именно прекрасна. Так прекрасно бывает озеро в сочной зелени деревьев. «А ты молодец» – улыбнулась Хранительница и звонко рассмеялась. Её смех разнёсся по ночному лугу, а затем её взгляд сделался серьёзным. «Ты не можешь забыть её?» – сказала она тихо, – «Я помогу тебе! Пойдём»

И я пошёл за Хранительницей озера по ночному лугу. Она двигалась, точнее будет сказать плыла, легко и бесшумно. Ни одна травинка не пошевелилась у неё под ногами, как будто она не касалась их. Я уже догадался, куда она вела меня – к своему озеру. Вот перед нами встали заросли крапивы.

Мысленно я уже приготовился к её ожогам, но о чудо! – стебли крапивы, высотой почти в человеческий рост, каким-то образом расступались перед Хранительницей, образуя коридор. Она шла также, словно их и не было, а я же всё равно чуть-чуть подотстал, потеряв её из вида. Но вскоре крапива кончилась и впереди показалась тёмная гладь озера с отражённой в ней луной. Я остановился и оглянулся по сторонам – Хранительницы нигде видно не было. Я уже хотел спуститься к воде, когда почувствовал сзади чьё-то нежное прикосновение! Я резко обернулся. Это была она – моя новая рыжеволосая знакомая. Каким-то образом она оказалась позади меня. Ну, не удивительно – ведь это были её владения и в них она ориентировалась лучше меня. Она ласково обвила меня руками и я оказался в её объятиях. Это было восхитительно и непередаваемо. Мне очень захотелось тоже обнять её, но она с неожиданным проворством легко выскользнула из моих рук и оказалась в нескольких шагах от меня, обнимая ствол ивы. Как она проделала это расстояние – я не заметил. «Иди ко мне!» – поманила она и в глазах у неё плясали весёлые чёртики. Её тело, казалось, слабо светится в лунном сиянии, а длинные рыжие волосы растрепались. В тот момент она была восхитительна и желанна, как никогда! Я полетел к ней, как на крыльях, но внезапно понял, что её там нет, а от дерева, у которого она стояла секунду назад, метнулась к воде чья-то небольшая шустрая тень. Какой-то ночной зверёк. Ну конечно же – это была норка, несомненно,

та самая, с которой я однажды встретился здесь на берегу. Хранительница развлекалась. Я не знал, как мне следует себя вести. Я медленно повернулся и пошёл в ту сторону, куда побежала норка – она скрылась в высокой траве, которая подходящей к самому берегу. Я направился туда и внезапно резко отпрянул – прямо на меня из травы неспешно выползла гадюка. Она тихо шипела, а её тело блестело в лунном свете. Гадюки ночью не активны, как и все холоднокровные, но моя гадюка, по видимому, ничего об этом не знала. Впрочем она не стала предпринимать никаких активных действий – выползя на открытое место – замерла. Медленно, не отрывая от гадюки глаз, стараясь не делать резких движений, я начал медленно пятиться, пока не почувствовал спиной ветви ивы. Но помимо них сзади я почувствовал что-то ещё, что явно не принадлежало дереву. Это что-то было мягким, тёплым и живым. Я хотел повернуться, но в следующее мгновение оказался в плену – две очаровательные стройные ножки обхватили меня сзади. Это была моя прекрасная Хранительница. Она сидела на толстой ветви ивы, как-раз на высоте моих плеч. Я не видел её всю – лишь её прекрасные ножки – изящные лодыжки, узкие ступни и восхитительные длинные пальчики с прелестными ноготками – второй пальчик был длиннее большого. Вскоре к ножкам присоединились и руки – Хранительница наклонилась поближе ласково обвила мою шею. Её пушистые рыжие волосы упали мне на лицо. Так плен был слишком приятен, чтобы вырваться из него. Хра-

нительница звонко рассмеялась и её смех, отразившись от водной глади озера полетел ввысь в ночное небо. Она была так прекрасна, так близка и желанна! «Испугался?» – шепнула мне хранительница на ухо, не ослабляя своих прелестных объятий. От неё пахло свежестью. Так пахнет прохладная чистая вода жарким летним днём. А к нему примешивался тонкий и нежный цветочный аромат. «Это была ты?» – спросил я первое, что пришло в голову. Я имел в виду гадюку. Краем глаза я заметил, что змеи уже не было на том месте. Она снова звонко засмеялась и снова её смех понёсся ввысь к луне. «Ну конечно же!» – произнесла она наконец прекратив смеяться. Тон её сделался серьёзным. «Я – это всё, что ты здесь видишь» – проговорила она загадочным шёпотом, – «Я и вода, и деревья, и тростник, и рыба в озере. Я – и та самая гадюка, и норка, и ещё много кто» «Я так и подумал» – кивнул я. Сейчас мне меньше всего хотелось вдаваться в объяснения о природе Хранительницы, а хотелось тоже обнять её и целовать, целовать! Она словно угадала мои мысли – объятия ослабли настолько, что я мог повернуться к ней лицом. И я снова увидел её прекрасные правильные черты, длинные рыжие волосы, неземные бирюзовые глаза и восхитительные алые губы. Я хотел что-то сказать, но вместо этого, повинувшись какой-то внутренней силе, приник к её губам, ощутив сладкий привкус земляники. Она не сопротивлялась, не скрывалась больше, а ответила на мой поцелуй со всей страстью и нежностью. А я целовал и целовал её всю –

её длинную стройную шею, плечи, руки, небольшую упругую грудь, стройный плоский живот, бёдра, колени, пальчики на ногах. Мне хотелось съесть её поцелуями всю без остатка. Она изогнулась, обхватив одной рукой ствол, а другой – меня и тихо постанывала от удовольствия. "Давай! Ещё! Ах, ты, мой хороший!" – страстно шептала она, прижимаясь ко мне. В какой-то момент она напряглась, замерла под моими ласками, а в следующий миг Хранительница была уже не на ветви ивы, а на земле. Я почувствовал, как её жаркие ладони стягивают с меня футболку. Одежда сразу стала какой-то тесной. "Пойдём!" – прошептала она, показывая в сторону тёмной озёрной глади. Я моментально освободился от остатков одежды, одной рукой обнял Хранительницу и так вместе мы вошли в озеро. Вода оказалась на удивление тёплой – как в ванне, а ещё, удивительно – она держала на поверхности, не давая погрузиться – словно солёная морская. Вода приятно ласкала и обволакивала. А потом к ней присоединились объятия и ласки моей прекрасной Хранительницы. Она тесно прижалась ко мне и мы стали единым целым с нею, водою, ночным небом и луною.

Летние ночи короткие – не успеешь оглянуться и вот уже чёрное небо становится сначала тёмно-синим, а затем постепенно приобретает нежно-голубой оттенок. Луна опускается к горизонту и делается уже не такой большой и яркой, а на востоке начинает алеть заря. Мы лежали на берегу озера – у самой воды и любовались наступлением рассвета. Позади

осталась эта восхитительная неопишуемая ночь с её чудесами, безудержными ласками, жаркой страстью и мгновениями безграничного блаженства (минутами, часами – кто считал?) А теперь мы просто лежали вместе, насытившись этой неопишуемой ночью, а сейчас просто тихо наслаждаясь близостью друг друга. Моя рыжеволосая прелестница прильнула к моей груди. Я приобнял её одной рукой, а другой перебирал её пушистые волосы и краем глаза наблюдал, как вода ласкает её ступни и восхитительные сладкие пальчики. Начиналось новое утро. Новое – во всех смыслах этого слова! Грусть и тоска, мучившие меня в последнее время, остались там, где им и положено было быть – в прошлом. Так легко и хорошо мне не было много месяцев или даже лет. Да чего уж там греха таить – вообще никогда не было! "Она ушла из твоего сердца?" – вдруг спросила Хранительница. "Да" – ответил я, – "Спасибо тебе за всё!" "Теперь в твоём сердце будет жить частичка меня" – проговорила она с неопишуемой нежностью и с каким-то, как мне показалось, сожалением. Она приподнялась с моей груди – прекрасная и обнажённая на фоне светлеющего неба. "А сейчас мне пора уходить" – тихо сказала Хранительница и встала. Я хотел сказать, что обычно говорят при прощании – какие-то банальности, но не смог произнести ничего – слова не находились. Я лишь молча смотрел на её стройную гибкую фигуру, на роскошные рыжие волосы и на прекрасные черты лица, уже успевшие стать такими родными и милыми. Хранительница тоже

ничего не сказала, а просто начала медленно растворяться в прохладном утреннем воздухе. Нет, она не сделалась прозрачной, как это показывают в фантастических фильмах. Тут было по другому. Словно бы частицы из которых состояло её тело, до этого находившиеся близко друг к другу, начали разлетаться. Её тело как-бы распалось на множество, как-бы мельчайших серебристых капель. Какое-то время они сохраняли форму, а затем разлетелись в разные стороны, исчезая в воде, в деревьях и в утреннем воздухе. Вскоре от моей прекрасной Хранительницы ни осталось ни следа. Грустно ли мне было в тот момент? Вовсе нет! Она не ушла! Она была рядом, но только в ином обличье. Она была сразу везде – в утреннем воздухе, в озёрной глади, в деревьях на берегу, в траве под ногами, в утреннем пении птиц, в шелесте листьев. Я чувствовал её нежные прикосновения, слышался её милый голос. "Мне было так хорошо с тобою!" – ласково шептала она. А потом на востоке забрезжили первые солнечные лучи. Я подобрал свои вещи, разбросанные на берегу, оделся и только тогда ощутил, как сильно устал. Но эта усталость была сладкой и приятной. Хотелось лечь в траву прямо здесь у озера и наслаждаться упоительным утренним воздухом, слушать ароматы птиц и чувствовать, как лёгкий ветерок нежно ласкает лицо. Хотелось не отгораживаться стальным салоном машины, а быть единым целым со всем этим и с моей прекрасной Хранительницей. Так, в конечном итоге я и сделал – расположился на поляне в густой мягкой траве. А

перед тем, как погрузиться в сон, последнее, что я увидел мысленным взором – было её прекрасное лицо.

Проснулся я от того, что солнечные лучи изрядно начали пригревать лицо. Упоительно пахли травы, громко стрекотали кузнечики, а откуда-то сверху лилась песня жаворонка. Солнце стояло уже высоко. Я взглянул на часы – было десять утра. События прошедшей ночи постепенно всплывали у меня в памяти. Сначала это показалось сном, но потом я осознал, что всё происходило в реальности. В памяти всплыл образ прекрасной рыжеволосой Хранительницы и я улыбнулся её и новому дню. Я прекрасно выспался и отдохнул. Хотелось что-то – меня буквально переполняла внутренняя энергия. Этой ночью со мной произошло самое главное чудо. Нет, им вовсе не была моя ночная встреча с озёрными Хранительницами – Нимфами или Ундинами (называйте, как хотите). Хотя, несомненно, это тоже чудо. Самым главным моим чудом было то, что этой волшебной ночью спали, наконец, оковы грусти так долго сжимавшие моё сердце. Стало легко и свободно, как не было со мной уже много месяцев или даже лет. Хотелось жить и радоваться простым вещам. И помогла мне в этом моя прекрасная волшебница – Хранительница заповедного озера. А ещё этой ночью я понял нечто важное – что жизнь удивительна, ярка и прекрасна, а мы не замечаем этого, потому-что заиклены на чём-то, живём прошлым или грустим. Прошлое нужно оставлять в прошлом (прошу прощение за невольный каламбур) – там

ему самое место! И тогда откроется путь чему-то новому – порою настолько удивительному, что не хватит никакого воображения и фантазии.

А потом я пошёл на рыбалку на теперь уже ставшее нашим озеро. Кто сказал, что рыба ловится хорошо только на рассвете или закате? У меня начинало клевать сразу, как только крючок погружался в воду. К полудню я наловил почти ведро. А затем мне предстояло вступить в схватку с настоящим гигантом – трёхкилограммовым карасём, из которой я вышел победителем. Несомненно, это был подарок моей рыжеволосой Хранительницы. Карася я отпустил, предварительно засняв на телефон, чтобы зафиксировать рекорд, и остальную рыбу – тоже. Конечно, подарок Хранительницы был щедрым и шёл от чистого сердца, но принять, а тем более съесть его я не мог – мне почему-то казалось, что в пойманной рыбе присутствует её частичка. А во время рыбалки мне постоянно чувствовал, что она рядом. Пару раз ловил себя на мысли, что вижу её изящную ручку высывающуюся то из ветвей ивы, то из зарослей тростника. Но нет, то была причудливая игра света и тени. Кстати, теперь забрасывать удочку мне никто не мешал. Снасть летела точно в то место, куда я и планировал заброс. Я и раньше подозревал чьи это были шутки...

Вот и вся моя история. Она может показаться вам неправдоподобной, но ведь люди ещё так мало знают об окружающем мире и о том, кто в нём живёт. А я вот всегда верил в

существование озёрных Хранительниц – пусть даже и неосознанно до той самой ночи. Я часто возвращаюсь в мыслях к той ночи. И тогда моему внутреннему взору предстаёт ночной луг, залитый лунным светом. А на нём кружат в хороводе пять сестёр – пять прекрасных озёрных Хранительниц. И среди них выделяется одна – моя рыжеволосая красавица. Скажу по секрету, мне всегда нравились рыжеволосые девушки. А может кто-то другой на моём месте увидел бы её как-то иначе, скажем, не рыжеволосой? И льётся прекрасная песня над ночным лугом, рекой и озёрами и улетает ввысь.

В оформлении обложки использовано изображение Paul_Emile_Chabas_-_Les_nymphes_de_danse с сайта <https://commons.wikimedia.org> по лицензии ССО